

Павлика вывели на бугор за деревней – а, может быть, на руках туда отнесли, если он ещё ходить не умел, – и показали необычное растение. Оно запомнилось тем, что большие листья его были ярко-зелёные, но одновременно как бы золотые. Может, просто они так глянцево лоснились, но, скорее всего, мальчик понял то, что хотел сказать ему отец: растение это – не такое как все.

Матери Павлик рядом не чувствовал: видимо, это было дело рук отца, отнести его или отвести на это поле прямо за деревней, возле дороги. И кто-то с отцом был из местных – колхозных или совхозных; именно с этим человеком или с этими двумя людьми и толковал отец о кукурузе. Дескать, глянь-ка: листва какая мясистая! И верхушки стеблей тоже на корм пойдут... Початков-то, по их северному климату, больших не будет, но всё равно...

Так они, взрослые, толковали там, наверху, рассматривая кукурузу, а Павлику виднее было то, что ближе к земле. Растёт не сплошняком как трава, а мясистые стебли – отступя один от другого, меж ними – розоватая, песчанистая в этих краях земля...

Судя по тому, что ни словечка в осуждение Хрущёва не прозвучало, отец показывал сыну эти ярко-зелёные, отливающие золотом листья ещё до 64-го года. Это уж позже начали изощряться в юморе: «всё, мол, лысый кукурузой засадил»...

Отец с тех пор ни о Хрущёве, ни об этом поле ни разу не помянул, как будто и не было ничего. Но в памяти Павлика необычные стебли отпечатались на всю жизнь, и ещё раз он о них вспомнил, когда – уже в Горбачёвскую перестройку – поехал в Штаты для обмена опытом с американскими следственными органами. Молодой растущий следователь Ленинградского КГБ Павел Вершинин услышал в штате Айова такую поговорку

местных фермеров: мол, у нас «погода для кукурузы, а не для людей», «our weather is for corn, not for people». И правда: уже в начале мая стояла душная влажная жара, как в парнике, в ней трудно было дышать – зато кукурузе, видать, рослось вольготно.

Эту американскую поговорку позже он процитировал своему давнему знакомому Алексею Антонову – ныне ставшему крупным банкиром. Тому самому, вокруг которого теперь закручивалось очень непростое, как говорят, «резонансное» дело. Теперь каждое своё слово в беседах со следователями Антонов взвешивал – как и следователи, со своей стороны. Но тогда – с тех пор минуло уже почти двадцать лет – они ещё были вполне себе дружки-приятели. И вот Павел Вершинин заметил Антонову невзначай:

– Бывал я на Среднем Западе Штатов... Там говорят: «климат у нас не для людей – для кукурузы». Этого-то и не учёл Никита Сергеевич...

Антонов улыбнулся, пожал плечами:

– Никита Сергеевич многого не учёл... – и тему эту продолжать не стал: неконтактный он был, Антонов, уже тогда. Хотя в бизнесе всего лишь делал первые шаги. Не то что неконтактный, а условия для контакта любил создавать сам, а, раз предмет разговора задал не он, то и развивать его он не видел смысла.

Собственно, всё их общение в постсоветские времена и ограничилось этими несколькими фразами, которыми они обменялись на совместной встрече выпускников трёх ленинградских вузов. Тем не менее, они, действительно, были знакомы и, действительно, обменялись этими фразами, о чём Вершинин глубокомысленно не раз говорил своим сослуживцам, да и начальству. Генерал Еголин однажды так его и представил: «Это друг банкира Антонова». В другой раз генерал выразился следующим образом: «Что же это твой друг Антонов так сильно против наших людей в бизнесе работает?» – «Да не друг он мне, – сказал правду Вершинин. – Так, просто знакомый». Тем не менее, действиями Антонова он интересовался, как и действиями «наших людей в бизнесе»... В чём тут была закавыка?

Если очень упростить, то Антонов встал поперёк «Газпрому», точнее, поперёк желаний тех, кто к «Газпрому» отношения не имел, но считал, что «Газпром» должен действовать вот в таком-то направлении. А Антонов исходил из того, что «Газпром» может действовать и в другом направлении. Казалось бы, мелочь, но это – мелочь из разряда «а можно ли ездить по встречной полосе?» Если ты в Англии, то да, можно и даже нужно, а если ты не в Англии?

Недовольство Антоновым копилось давно, и вот в марте этого года выплеснулось в совещаниях, об одном из которых Вершинин точно знал, что инициатором его был он сам. Это он подсказал своему непосредственному шефу, генералу Еголину, что можно бы очистить деловое поле от банкира Антонова, если уж им так недовольны «наши люди в бизнесе». Еголин, как видно, повторил эту фразу уже собственному начальству – в Администрации Президента, и вскоре провёл с Вершининым как бы ни к чему не обязывающую беседу.

– Отличиться бы тебе надо, Павел Иваныч, – сказал он Вершинину. – Дело громкое раскрыть, глядишь, и генеральское звание получишь, давно ведь пора!

– Какое же это громкое дело? – спросил осторожно Вершинин.

– Ну вот, хотя бы, о махинациях в «СвязьИнвестБанке» Антонова. Опять же, от налогов его фирмы уклоняются, это ведь известно... А теперь он ещё и нездоровую активность проявил в телекоммуникационной сфере: на него жалуется наш телефонный гигант, «МСТ – мобильные системы».

– А вот это уже конкретика, – заметил Вершинин.

– Конечно, конкретика, – согласился Еголин. – Я тут участвовал в совещании, закрытом – понимаешь меня? Присутствовали представители двух компаний, из числа наших: «МСТ – Балканы» и «Русгаз – юг». Суть дела в том, что Антонов узнал об их бизнес-схеме и пытается её скопировать, причём делает это кое в чём шустрее, чем они сами.

– Обгоняет на поворотах? – спросил Вершинин.

– Ну, типа, да. Наш бизнес по-крупному заходит в Малую Азию и на Балканы: Турция, газовый «Черноморский поток» и так далее. Этим как раз и занимается «Русгаз – юг», а в паре с ними «МСТ – Балканы». А г-н Антонов тоже создал свой холдинг «СвязьИнвест – Балканы» и тоже пытается дойти наш «Газпром», а также других наших поставщиков газа – «Роснефть» и НОВАТЭК. В общем, очень мешает человек, и надо бы ему создать проблемы, тем более, что основания для этого у правоохранителей есть.

– Я бы и рад, конечно, Сергей Иванович, – ответил Вершинин Еголину. – Но ведь ты же знаешь, как я сейчас загружен. Два дела надо заканчивать, ещё по одному обвиняемые затягивают ознакомление, в суд никак не передать.

– Я это всё знаю, Паша, – сказал Еголин. – Но я знаю и то, что твои ровесники уже давно в генералах ходят, да и какой только зелени сейчас генеральских погон не навешали...

– Это правда, – согласился Вершинин. – Я – полковник в возрасте за пятьдесят пять, тогда как есть у нас тридцатипятилетние генералы...

– И я о том же. В общем, пока решений принимать не будем... Их будут принимать люди повыше нас с тобой. Но дела эти ты по-быстрому закругляй или смотри, кому их можно передать, и потихоньку начинай думать о борьбе с налоговыми недоимками в упомянутой банковской группе...

Пикантность этого разговора состояла в том, что сам же Еголин, возможно, и не давал Вершинину расти. Павел Иванович как попал под начальство этого генерала, так много лет и работал с ним, и как-то не имел решимости перевестись куда-то и сделать карьерный рывок.

А ведь, чёрт побери, как круто он, помнится, начинал в девяностые! Он тогда считал своим фирменным стилем умение поймать некую общественную волну, раскрутить резонансное дело, чтобы в нём – разом – отразился весь срез эпохи, как когда-то показал ему отец; как в тех зелёных листьях кукурузы – с их золотым проблеском – выразилась вся драма позднего Хрущёва.

В девяностые годы майору Вершинину удалось вот так же схватить эпоху за вихры, пару раз это получилось. Неужели теперь, под старость, он сумеет сделать это ещё раз?

Сесли верить марксистским историкам, то российский капитализм при последних царях группировался по производственному признаку. «Продамет», «Продуголь» – монополии в сырье и полуфабрикатах, «Продвагон» – подвижной состав. «Продаруд», «Продпаровоз»... Враньё, конечно; вспоминая

теперь учебники своей юности, банкир Алексей Антонов думал, что обо всех этих «Продвагонах» и «Продпаровозах» для того писали, чтобы скрыть имена настоящих владельцев компаний. Не будешь же советскому школьнику излагать биографию, допустим, миллионера Путилова: тогда пришлось бы признать, что это не просто был «кровопийца» или «буржуй», но человек, упорным и долгим трудом создавший передовые предприятия, направивший развитие целой отрасли.

Зачем это было знать советскому школьнику? Значит, лепи себе: «Продвагон», «Продуголь»...

Наверняка и в царской России капитализм имел яркие личности, – думал Антонов. А уж в сегодняшней-то России в этом нет сомнений. Все знают, кто такой Михаил Прохоров или Роман Абрамович, Виктор Потанин или Олег Дерипаска. Все знают, что «Альфа-банк» это Михаил Фридман, а «Лукойл» это Вагит Алекперов, что АФК «Система» это Евтушенков, а «Северсталь» – Мордашов.

Кстати, в деловом мире сознают и роль Игоря Вдовина, мужа Волочковой. Разве что сама балерина много лет то ли притворялась, то ли, и правда, не понимала, кто такой отец её дочери. А ведь он был системным инвестором и сумел создать, с одной стороны, очередь арабских шейхов, а с другой – российских губернаторов, готовых принять ближневосточные деньги. Сочетать такие величины мог лишь человек незаурядный, каковым и был Игорь Вдовин. Его деньгами свободно могла пользоваться его блестящая жена, но ведь и он использовал её в качестве ну весьма недорогой (по меркам его оборотов) рекламы. Гениальная балерина и красавица стала, поистине, самым умным деловым проектом Вдовина, превратившим его из незаметного и не очень смелого молодого человека в крупного международного дельца.

Яркие по человеческим меркам дела стали для бизнесменов почти мерилом успеха. Абрамович купил английский футбольный клуб, а Усманов – коллекцию Ростроповича-Вишневецкой. Прохоров построил свой Ё-мобиль, а Гучериев писал стихи для песен, которые крутили на принадлежащем ему «Радио Дача».

Правда, Антонов всё ещё считал, что ему такими вещами заниматься рано... А ведь многие из этих звёзд бизнеса были уже моложе его! Ему стукнуло пятьдесят пять, а он всё ещё был – дай Бог, если в первой сотне или в первых пятидесяти из этих крупнейших воротил. Слишком многим он пытался заниматься одновременно, слишком разбрасывался – об этом ему не раз говорили.

В детстве он долго не мог понять, кем хочет стать и в какой вуз ему поступать – а поступил, в конце концов, в «Горный».

Учился он в школе, расположенной в обычном четырёхэтажном школьном здании послевоенных лет. Но сама школа была с математическим уклоном, в ней было побольше «математических» классных комнат, чем, наверное, их обычно бывает; да ещё и каждый класс делили на три потока или уровня для более индивидуальной работы. Математику, правда, Антонов так и не любил, да и не знал как следует, хотя получал почти одни пятёрки.

Из учительниц в их школе выделялась биологичка: она была единственной «заслуженной учительницей» и иногда надевала на уроки медаль. Знаменитым также считался учитель математики Михаил Абрамович Киселёв, в чьём классе был не просто учительский стол, а – кафедра, как, впрочем, и в нескольких других кабинетах. Вот и библиотечарь Нина Евсеевна была

небанальна и превращала обязательную выдачу книг в некие мини-представления. Дети стояли в очереди к её столу, а она так расхваливала некоторые книги, словно вещала со сцены.

– Книга «Плато доктора Черкасова!» – говорила она со страстью и с придыханием. – Обычный мальчик попал в экспедицию на Крайний Север и описывает произошедшее с ним! «*Детство у меня так сложилось, что я стал свидетелем и участником событий необычайных, о которых мне хочется рассказать*», – зачитала она.

Столь горячо она произносила всё это, что Лёша Антонов потянулся к этой книге, а потом к книге «Корабли Санди» того же автора (Мухиной-Петринской), к другим книжкам о далёких плаваниях, золотоискателях и геологах... А что, не стать ли ему – и он уже втайне решил, что станет – как раз моряком или таким вот исследователем северных, арктических территорий?

То, что позднее к этому прибавились нефть и газ, Алексей считал счастливой случайностью: вначале он об этом не думал. Вначале была просто романтика, да, кстати, и некоторое примирение отцовских и материнских надежд на него.

Отец его был довольно известный художник; мать, наоборот, техничка, и, видимо, её идеалом мужской профессии было нечто более жёсткое, чем занятия мужа. Она и при детях не раз выносила отцу приговор: «Эх, творческая интеллигенция...» Мужчине, по мнению мамы, следовало быть суровым военным или, допустим, строителем, а не шастать по природе с этюдником и кистями.

Отец подталкивал Лёшу, наоборот, к творчеству: не хочешь рисовать, так стань, к примеру, музыкантом. Композитор, дирижёр, разве плохо? На худой конец – гитаристом вроде этих ваших кумиров из группы «Битлз».

Противоречие разрешилось тогда, когда Лёша выбрал мечту о путешествиях библиотекаряши Нины Евсеевны... Правда, вуза такого – для путешественников – не оказалось, но он выбрал нечто близкое к этому: профессию геолога, которую давал Горный институт.

...Олигарх – не олигарх, но всё-таки он был состоявшимся бизнесменом, потому в свою школу на годовщины окончания теперь не ходил. Это, впрочем, уже в самое последнее время, а до того, зайдя в эту бывшую школу, завернул и в библиотеку на третьем этаже.

Вот здесь, значит, решилась его судьба.

Помещение было уютным и даже вполне просторным. Целых пять столов с подшивками газет и без таковых: просто для чтения книг. Не по всему периметру, как помнилось, а лишь возле двух стен стояли массивные книжные шкафы довоенного советского, а, может быть, ещё дореволюционного производства. В них на открытом доступе имелись Большая и Малая советские энциклопедии, которые они на переменках забегали полистать, но особенно любили в библиотечной тиши лопать домашние бутерброды, за что их библиотекаря гоняла отсюда, но не очень строго.

В закутке своём, как и в те далёкие годы, позади стопок книг на столе, сидела Нина Евсеевна. Совсем скукоженная и седая, давно, видно, переставшая красить волосы... Он поздоровался и вышел, не стал напоминать о себе и постеснялся спросить, почему именно ему она рекомендовала книжку «Плато доктора Черкасова». Ответ, впрочем, он знал: она многим рекомендовала многое, скорее всего, без всякого разбора, заученными словами повторяя одно

и то же за годом год. Для мальчиков про «Страну багровых туч» Стругацких, про «Остров сокровищ», про Жюль Верна; девочкам тоже, конечно, предназначались свои, особо читаемые книжки.

Как бы то ни было, но книжка эта сделала своё дело и привела его сначала в Горный, потом – в экспедиции на Шпицберген, на Ямал, потом – к кандидатской диссертации, которую он написал как раз по нефтегазоносным платформам Севера.

Защитил он её не так чтобы и быстро для выпускника одной из лучших в стране математических спецшкол: лишь в двадцать восемь лет, то есть в 1988 году. Но то ли ещё ждало впереди...

Суть конфликта банкира Антонова с другими бизнесменами была понятна всем, кто хоть сколько-то в эти годы следил за деловой жизнью России. Эту суть простыми словами выразил Еголин, её же не раз повторял и сам Вершинин, она заключалась в том, что Антонов пошёл поперёк самой влиятельной тенденции тех лет. Тенденцию эту можно было назвать просто: дружба с Западом. А, следовательно, и с теми странами, которые являются союзниками Запада, например, с Турцией.

Ну как, в самом деле, можно было представить себе что-то иное? Ведь не к ядерной же войне дело вести, в конце-то концов?

Есть законы бизнеса и, в целом, человеческих отношений, заключающиеся в том, что все действуют в соответствии с собственными интересами. А общий интерес человечества заключается в наличии единых и понятных всем правил игры. Поэтому, если иногда Запад и прибегает к двойным стандартам, то это – лишь результат временного заблуждения, избавиться от которого – в интересах самого Запада, а мы в этом можем помочь нашей выдержкой и доброжелательностью.

Такая логика применялась и властью, и *правильным, нашим бизнесом* по отношению как к Америке или к Германии, так и к Турции или, допустим, к балканским странам. Словом, в отношении всех, с кем мы ведём дела. Теперь посмотрим непосредственно на Балканы... – так рассуждал Вершинин, прохаживаясь по своему кабинету и уже как бы скинув с плеч все остальные дела кроме «Дела СвязьИнвестБанка». – Вроде бы, Антонов не творит ничего неподобающего и даже действует в точности так же, как и его конкуренты. То есть заходит на балканский рынок мобильной связи, интернета и прочего, ставя во главу угла наше российское «ноу-хау», технологии, а в качестве дополнительной опоры используя доходы от экспорта газа. Проблема состоит лишь в том, что балканский этот рынок – отнюдь не свободен, а очень даже занят: на нём прочно обосновались и американцы, и Евросоюз, в первую очередь – немцы. Потому, если уж нам туда заходить, то в кооперации с теми же немцами, которые много лет являются проверенными покупателями газа у «Газпрома». Значит, и из наших фирм приоритет должны иметь те, кто сотрудничает с «Газпромом» и его дочкой, фирмой «Русгаз – юг», а именно: «МСТ – Балканы». Антонов же с «Газпромом» не дружит...

В итоге что получается? Антонов в той же Румынии, других балканских странах выступает конкурентом фирмы «МСТ – Балканы», то есть, по сути дела, выступает в роли союзника наших противников.

Так рассуждали те, от кого исходил заказ на открытие уголовного дела против банкира Антонова. И рассуждали совершенно правильно, Вершинин мог бы подписаться под каждым словом и даже добавить многое от себя в более философском ключе.

Но нужно ли было что-то добавлять? Скорее нужно было начинать тяжёлую рутинную работу. Готовить план следственных действий, выявлять налоговые недоимки, другие махинации банкира.

Этим и занялся полковник Вершинин в первых числах холодного и дождливого апреля, когда в Москве начиналась и всё никак не могла начаться весна. Сырой холод был совсем ещё зимним, но Вершинин этого не замечал, то работая за компьютером, то отыскивая нужные папки, бумаги в шкафах своего кабинета.

Вершинина и Еголина принял Калязин в Администрации Президента и, наконец, поставил им срок: сентябрь. Осень, конец отпусков; самое позднее – октябрь. «Маски-шоу» в главном офисе «СвязьИнвестБанка» в «Москва-сити», выемка документов и задержание Антонова, дальше будет видно: или подписка о невыезде, или арест, суд решит по ситуации. Но до этого, не позднее августа, Еголин и Вершинин обязаны были представить убедительный рапорт, чтобы на нём Калязин получил визу главы АП, и маховик заработал бы. На составление этого рапорта, так сказать, сводки компромата на Антонова, – им отведён достаточный период: четыре месяца, во время которых им позволено всё: прослушка, наружка, возбуждение – уже сейчас – вспомогательных уголовных дел, для того чтобы обвиняемые дали показания на главного фигуранта, то есть на Антонова.

...Какой убедительный материал может содержать этот рапорт, – саркастически думал Вершинин, – кроме одной фразы: «уклонение от уплаты налогов на сумму...» Далее проставляй любую понравившуюся тебе цифру, а уж дело следователей, бухгалтеров и прочих экспертов – набрать на эту сумму бумажек и приобщить их к рапорту...

Но вот эта – самая муторная и долгая работа – и ложилась на него, Вершинина! И это было тяжело, унижительно... На шестом десятке ты – всего лишь полковник, и не какие-то мифические бухгалтеры или эксперты, а именно ты, руководитель следственной группы, должен найти эти налоговые недоимки, вычислить эти схемы, отсканировать эти бесчисленные формы налоговой отчётности и показать лазейки, в которые или действительно уходят деньги, или, по крайней мере, суд сочтёт эти лазейки «доказанными». «Доказанным» суды считают то, что хорошо видно, что, так сказать, контрастно выделяется на общем фоне; то, что *красиво*, в конце концов. Как наиболее правильной считается та научная теория, которая наиболее красива, так и доказательная улика – та, которая неожиданна, удивляет судью, не встречалась раньше в практике. Но чтобы найти такую улику нужно потеть и потеть, корпеть и корпеть.

Впрочем, такие приступы жалости к самому себе были у Вершинина рецидивами более молодых лет, что ли. Когда был начинающим следователем, тогда, действительно, делал черновую работу... А сейчас, слава Богу, Еголин утвердил ему по делу «СвязьИнвестБанка» специализированную следственную группу аж из семи человек – в основном, это были молодые парни и девушки, хотя некоторые уже с майорскими звёздами. И, как в детективных фильмах, где этакий седовласый полковник – формалист и службист – устраивает

регулярные совещания, так и Вершинину дважды в неделю теперь предстояло собирать своих «волков-загонщиков».

К самому первому совещанию с ними он, конечно, готовился тщательно. Нужно было очертить для ребят общий план кампании – а был ли у него самого этот план?

Готовясь к этому первому совещанию, Вершинин спрашивал сам себя: в чём главная болевая точка и в чём главный интерес Антонова?

Определить это было важно потому, что иначе можно было вытащить пустую сеть: произвести обыски, изъять кучу бумаг, а потом в этих бумагах ничего криминального не найдётся, и дело развалится, не дойдя до суда.

Допустим, главный интерес Антонова – мобильная телефония (рассуждал Вершинин). Ведь именно в этой области он затеял свой новый проект «СвязьИнвест – Балканы». Ездил в Румынию, а недавно принимал в Москве ответную делегацию румын.

Вершинин стал делать схему основных активов и отраслей бизнеса Антонова. Сначала набросал вчерне, потом аккуратно вычертил по линейке. «Отксе-рил», чтобы на первом совещании раздать всем членам следственной группы.

На листке красовались блоки: «СвязьИнвестБанк» – «Телеком – Балканы» – «Нефтяная составляющая» – «Домодедово и Внуково» – «Недвижимость» – «Сельское хозяйство». Карандашиком на своей личной схеме Вершинин написал суммы: что на сколько тянет. Именно карандашиком, потому что многого он не знал.

Например, «Телеком – Балканы» или «Телеком – Румыния», что сие такое? Этот блок он решил поручить майору Елене Подзюбан, может быть, потому, что фамилия её напоминала румынскую. Да и вообще, толковый молодой следователь. В помощники ей даст капитана Сашу Быкова...

Кабинет Вершинина был небольшой, но за столом заседаний место для семи человек нашлось. Найдётся и для десяти, но вначале ему хватит семейных.

Он начал совещание с того, что назвал всех членов специализированной следственной группы, как бы представив их друг другу – хотя они и так были знакомы. Сразу объявил, кто чем будет заниматься, пока ещё не объясняя сути дела.

Майор Елена Подзюбан и капитан Александр Быков – Румыния. Затем Паша Калинин и Толя Столяров, их сфера ответственности – «СвязьИнвестБанк». Александру Козлову и Юрию Трофимову поручалась принадлежащая Антонову нефтянка, и, наконец, Серёже Мнацаканяну – аэропортовские дела. Компании, владельцем или совладельцем которых был Антонов, оснащали московские аэропорты – ни много, ни мало – техникой связи и компьютерной техникой.

Далее Вершинин позволил себе небольшую теоретическую лекцию. О том, какое это – казалось бы – простое, но при этом какое сложное дело: доказать факт уклонения той или иной фирмы от налогов. У бизнесменов прекрасно развито чутьё, сплошь и рядом они нас опережают. Начинаешь копать в одном месте, тут же тебе – вернее, Федеральной налоговой службе – кидают кусок, оплачивают какие-то недоимки, но проштрафившуюся фирму или закрывают, или уменьшают её обороты; в общем, ясно, что деньги перетекли уже куда-то в другое место.

– Чтобы противостоять этим манёврам, и нужно видеть всю картину целиком, – объявил Вершинин и достал из папки семь «отксеренных»

листочков. – Вот для этого я и подготовил вам общую схему активов той группы, которая нас интересует.

Он раздал эти листки и пояснил, что каждый из этих блоков – активов финансово-промышленной группы – не является монолитным, но представляет собой, в свою очередь, сложную схему. И он дал недельный срок для того, чтобы каждый член следственной группы на отдельном листке вычертил такую же схему в порученной ему области. Конкретно, Румыния, «СвязьИнвестБанк», аэропорты, нефтянка...

На этом он первое рабочее совещание закончил и отпустил членов следственной группы.

Расхаживал по кабинету, довольный собой. Неплохо провёл инструктаж! Как говорится, «хорошее начало полдела откачало». Или ещё в советские времена говаривали (вроде бы, тот же Хрущёв): «Цели определены, конкретные задачи поставлены; за работу, товарищи!»